

В этот раз ее звали Патриция.

Патриция Велтон.

Новые города. Новое имя.

Поначалу, давным-давно, это было самым трудным — отзываться, когда ее окликали администраторы гостиниц или шоферы такси.

Но так было тогда. Теперь же она свыкалась с именем, значившимся на новых документах, как только их получала. В этой поездке по имени к ней обратился пока только один человек. Владелец фирмы проката автомобилей в Эстерсунде — когда он вышел и сообщил ей, что заказанная ею машина вымыта и готова к использованию.

Самолет приземлился по расписанию, в начале шестого, в среду, и она, сев на поезд «Арланда-экспресс», доехала до центра Стокгольма. В шведской столице она оказалась впервые, но ограничила свой визит ранним и довольно унылым ужином в расположенном поблизости ресторане.

Около двадцати одного часа она села в ночной поезд, которому предстояло довезти ее до города Эстерсунд. Она заранее забронировала себе отдельное купе. Не потому, что думала, что кто-нибудь ее когда-нибудь поймают, — сколько бы людей ни сообщили полиции и властям ее приметы, — она просто не любила спать рядом с другими, незнакомыми людьми. Никогда так не делала.

Ни в молодости, выезжая на турниры с волейбольной командой.

Ни в студенческие годы, будь то на базах или в палатках.

Ни во время выполнения заданий.

Когда поезд отъехал от вокзала, она пошла в буфет, купила маленькую бутылочку белого вина и пакетик арахиса и уселась у себя в купе читать новую книгу «Я знаю, что ты на самом деле думаешь» с несколько необычным подзаголовком: «Как читать язык жестов не хуже судебного адвоката». Женщина, именовавшаяся в данный момент Патрицией Велтон, не знала, обладают ли судебные адвокаты особыми способностями в толковании языка жестов, — ей, во всяком случае, не доводилось сталкиваться с кем-либо, кто отличался бы подобным талантом. Но книга была если и не поучительной, то, по крайней мере, коротенькой и развлекательной. В начале второго ночи Патриция улеглась в чистую постель и погасила свет.

Пятью часами позже она сошла в Эстерсунде, узнала адрес ближайшей гостиницы и обстоятельно позавтракала там, прежде чем отправиться в салон, где заказала автомобиль. Там ее попросили немного подождать и предложили выпить кофе из автомата, пока проверят и вычистят машину — новую серую «Тойота Авенсис».

Преодолев примерно сто километров, женщина прибыла в Оре. Всю дорогу она соблюдала ограничения скорости. Нарываться на штрафы не стоило, хотя, по сути дела, это ничего бы не изменило. Насколько она поняла, шведские полицейские не имели привычки и, возможно, даже полномочий при мелких правонарушениях обыскивать машину и багаж, а единственное, что могло поставить задание под угрозу, — это обнаружение пистолета. Документов на право носить в Швеции оружие у нее не было. Стоило им найти у нее пистолет «Беретта М9», как они начали бы докапываться до его происхождения, и выяснилось бы, что Патриция Велтон нигде не значится и существует исключительно здесь и сейчас. Поэтому она сбавляла скорость, проезжая мимо зеленых склонов, где зимой катались на лыжах, и на въезде в небольшое селение, расположенное неподалеку от озера.

Немного прогулявшись, она выбрала наобум место для ланча и заказала панини и бутылку колы лайт. За едой она рассматривала карту. Ей предстояло проехать еще чуть более пятидесяти километров по шоссе E14, затем свернуть и оставить машину, после чего оставалось пробежать около двадцати километров. Она посмотрела на часы. Если считать, что на месте она будет через три часа, еще час потребует, чтобы все прибрать, два, чтобы добраться до машины, отчитаться... Она окажется в Тронхейме вовремя, чтобы улететь в Осло и вернуться домой в пятницу.

После еще одной прогулки по горнолыжному курорту Оре она села в машину и продолжила путь на запад. Хотя работа забрасывала ее в самые разные места, соприкоснуться с таким пейзажем ей еще не доводилось. Мягкие изгибы гор, четко очерченная граница леса, солнечные блики на воде в конце ведущей вниз долины. Женщина чувствовала, что здесь ей бы понравилось. Пустынно, тихо, чистый воздух. Ей хотелось бы снять здесь уединенный домик и совершать долгие прогулки. Рыбачить. Летом наслаждаться светом, а осенью читать по вечерам возле костра.

Возможно, в другой раз.

Вероятно, никогда.

Когда появился указатель поворота налево, на Рундхёген, она свернула с шоссе E14. Вскоре после этого оставила взятую напрокат машину, взяла рюкзак, достала карту горного района и побежала.

Через 122 минуты она остановилась. Слегка запыхавшись, но не устав. Бежала она далеко не в полную силу. Она присела на горном склоне, выпила воды, дыхание тем временем быстро выровнялось. Затем достала бинокль и посмотрела в сторону расположенного метрах в трехстах от нее маленького деревянного домика. Она в нужном месте. Все выглядело в точности как на снимке, полученном ею от информатора.

Если она правильно понимала ситуацию, сегодня никому бы не позволили строить дом у подножия горы, там, где располагался этот деревянный домишко, но его, как ей сообщили, соорудили в тридцатых годах. Какому-то директору с хорошими связями при дворе, видимо, требовалось место для обогрева, когда он тут охотился. Да и, честно говоря, назвать это домом было нельзя, даже домишком — и то с трудом. Какую он может занимать площадь? Восемнадцать квадратных метров? Двадцать? Бревенчатые стены, маленькие окошки, из покрытой толем крыши торчит маленькая труба. К входной двери ведут две ступеньки, а метрах в десяти стоит небольшой разделенный надвое сарай. С правой стороны — дверь, очевидно, в туалет. Слева — пустой проем: судя по всему, в той части хранили дрова, поскольку возле входа лежала колода.

За зеленой москитной сеткой что-то шевельнулось. Он там.

Она отложила бинокль, снова сунула руку в рюкзак, достала «Беретту» и быстрыми, привычными движениями прикрутила глушитель. Затем встала, убрала оружие в специальный карман на куртке, снова надела рюкзак и двинулась вперед. Время от времени она оглядывалась назад, но никакого движения нигде не замечала. Домик располагался чуть в стороне от туристской тропы, да и в конце октября путешественники в этих местах не толпились. После того как она оставила машину, ей встретились только двое.

Когда пройти оставалось не более пятидесяти метров, она вытащила пистолет из кармана и прижала его к бедру. Стала взвешивать варианты: постучать и выстрелить, когда он откроет, или положиться на то, что дверь не заперта, и ворваться неожиданно. Она остановилась на первом варианте, но тут дверь дома открылась. Женщина на секунду оцепенела, но затем молниеносно присела на корточки. На маленькую лестницу вышел мужчина лет сорока. Местность открытая. Спрятаться негде. Лучше всего сидеть неподвиж-

но. Движение может привлечь его внимание. Она крепче сжала пистолет. Если он ее увидит, она сумеет вскочить и выстрелить в него, прежде чем он успеет убежать. Чуть более сорока метров. Она наверняка попадет, вероятно, убьет его, но ей хотелось, чтобы события разворачивались несколько иначе. Если он будет только ранен, то сможет забраться обратно в дом. Не исключено, у него там есть оружие. Стоит ей себя обнаружить, и все многократно усложнится.

Но он ее не заметил. Закрыв дверь, спустился на две ступеньки, повернул направо и пошел к сараю. Она увидела, как он взял торчащий из колоды топор и принялся колоть дрова.

Она медленно поднялась и сдвинулась немного вправо, чтобы дом заслонил ее на случай, если мужчина, сделав перерыв в работе, распрямит спину и примется любоваться пейзажем.

Топор. Может ли он создать проблемы? Наверное, нет. Если все пойдет по плану, мужчина не успеет воспринять ее как угрозу и уж тем более наброситься на нее с этим оружием для ведения ближнего боя.

Она остановилась возле дома, выдохнула, дала себе несколько секунд, чтобы сосредоточиться, а затем вышла из-за угла.

Увидев ее, мужчина, казалось, был ошеломлен. Он начал что-то говорить, женщине показалось, что он пытался выяснить, кто она такая, возможно, что она делает здесь, в горах Йемтланда*, и не может ли он ей чем-нибудь помочь.

Это не имело никакого значения.

Шведского языка она не знала, и ответа ему все равно было не получить.

Пистолет с глушителем один раз кашлянул.

* Й е м т л а н д — провинция в северной части средней Швеции (Здесь и далее примеч. пер.).

Мужчина резко замер и замолк, будто кто-то нажал на паузу в фильме. Потом топор выскользнул у него из рук, колени согнулись влево, тело упало направо. При ударе его восьмидесяти килограммов о землю раздался глухой хлопок. Когда мужчина растянулся на боку, будто кто-то кое-как уложил его в восстановительное положение, он был уже мертв. Пуля пробила сердце.

Женщина подошла вплотную к телу, встала над ним, широко расставив ноги, и спокойно прицелилась мужчине в голову. Выстрел в висок, в трех сантиметрах от левого уха. Она знала, что он мертв, но все-таки выпустила еще одну пулю ему в голову, в сантиметре от первой.

Засунув пистолет в карман, она задумалась над тем, следует ли ей сделать что-нибудь с кровью на земле или просто предоставить заниматься ею природе. Даже если кто-нибудь хватится убитого мужчину — а она знала, что его хватятся, — и приедет искать его к маленькому домику в горах, тело все равно найти не удастся. Кровь покажет, что с ним произошла какая-то беда, и все. Даже если они заподозрят худшее, их подозрения никогда не подтвердятся. Этот человек исчезнет навсегда.

— Папа?

Резко обернувшись, женщина снова выхватила пистолет. В голове у нее промелькнула одна-единственная мысль. Дети. Никаких детей здесь быть не должно.

Его слегка потряхивало. Плечи и голову. Странно, поскольку эти движения не вязались у него со сном. А вообще, сон ли это? Во всяком случае, не обычный. Он не сжимает в руке маленькую ручку. Никакого неумолимо приближающегося грохота. Никакой поднимающейся сумятицы. Однако он, вероятно, все-таки пребывает во сне, поскольку кто-то произносит его имя.

Себастиан.

Но если ему это снится, в чем он был далеко не уверен, то в этом сне он, во всяком случае, один. Один в полной темноте.

Он открыл глаза. И увидел перед собой другие. Голубые. Над ними черные волосы. Коротко стриженные. Взлохмаченные. Под глазами прямой маленький нос и улыбающийся рот.

— Доброе утро. Прости, но мне хотелось перед уходом тебя разбудить.

Себастиан с некоторым трудом приподнялся на локтях. Женщина, разбудившая его и, похоже, удовлетворенная результатом своих усилий, подошла к изножью кровати, остановилась перед большим зеркалом и принялась надевать сережки, лежавшие на полочке рядом с зеркалом.

Сон как рукой сняло. Ему на смену пришли воспоминания о вчерашнем дне.

Гунилла, сорок семь лет, медсестра. Они виделись несколько раз в Каролинской больнице. Вчера он нанес туда последний визит, после чего они вместе отправились в город и к ней домой. На удивление отличный секс.

— Ты уже на ногах.

Он осознал, что констатирует очевидное, но создавшаяся ситуация вызывала у него ощущение некоторой неловкости — он по-прежнему лежит нагишом в чужой постели, а женщина, с которой он провел часть ночи, стоит одетая и готовая начинать новый день. Как правило, первым вставал он. Желательно и чаще всего, не будя случайную партнершу. Так ему нравилось больше. Чем меньше приходится с ними разговаривать перед уходом, тем лучше.

— Мне надо идти на работу, — оповестила она, бросив на него в зеркало беглый взгляд.

— Как? Прямо сейчас?

— Да. Сейчас. Я уже слегка опаздываю.

Себастиан наклонился вправо и взял с ночного столика свои часы. Почти половина девятого. Гунилла закончила с сережками и застегнула на шею узкую серебряную цепочку. Себастиан посмотрел на нее с недоверием. Сорок семь лет, живет в центре Стокгольма. Нельзя же быть такой наивной и доверчивой.

— Ты в своем уме? — спросил Себастиан, подтягиваясь повыше. — Ты познакомилась со мной вчера. Я же могу вынести полквартиры.

Гунилла встретила с ним в зеркале взглядом. На ее губах играла улыбка.

— Ты собираешься вынести полквартиры?

— Нет. Но я ответил бы так же, даже если бы собирался.

Надев украшения и бросив заключительный взгляд в зеркало, Гунилла вновь подошла к нему. Она присела на край кровати и положила руку ему на грудь.

— Познакомилась я с тобой не вчера. Вчера я пошла с тобой в ресторан. Но на работе у меня есть все твои данные. Так что, если ты прихватишь телевизор, я знаю, где тебя искать...

На мгновение у Себастиана мелькнула мысль об Эллинор, но он отогнал ее. Все равно вскоре придется уделить

Эллинор довольно много времени и энергии. Но не сейчас. Гунилла опять улыбнулась ему. Она шутит. Себастиану это запомнилось по вчерашнему дню.

Она часто улыбается.

Очень смешлива.

Вечер получился приятным.

Гунилла так быстро наклонилась и поцеловала его в губы, что он даже не успел среагировать. Она встала.

— Вероятно, Юкке придется за тобой присматривать, — проговорила она, направляясь к закрытой двери спальни.

— Юкке? — Себастиан поискал в памяти какого-нибудь связанного с ней Юкке. Но безрезультатно.

— Юаким. Мой сын. Если хочешь, можешь позавтракать вместе с ним, он уже встал.

Себастиан смотрел на нее, не в силах произнести ни слова. Неужели она это всерьез? Сын? По-прежнему в квартире? Сколько ему лет? Сколько времени он тут пробыл? Всю ночь? Себастиану помнилось, что они особенно не скрытничали.

— Но теперь мне действительно надо идти. Спасибо за вчера.

— Это тебе спасибо, — выдавил из себя Себастиан, прежде чем Гунилла покинула спальню и закрыла за собой дверь.

Он соскользнул обратно в постель и опустил голову на подушки. Услышал, как она с кем-то прощается — вероятно, с сыном — затем, как закрылась еще одна дверь. В квартире стало тихо.

Себастиан потянулся.

Не больно.

В последние недели боли он уже не испытывал, но по-прежнему с радостью отмечал, что может шевелиться без мучений.

Чуть более двух месяцев назад на него напали с ножом. Ранили в ногу и живот. Напал Эдвард Хинде, психопат и

серийный убийца. Себастиана незамедлительно прооперировали, и казалось, все идет хорошо, даже очень, но потом возникли осложнения. Чуть больше недели в его проколоте легочном мешочке стоял дренаж. Когда его удалили, Себастиану сообщили, что выздоровление теперь — вопрос времени. Но тут приключилось воспаление легких, а после него образование жидкости. Ему снова прокололи дырку. Высосали и зашили. Выдали инструкции и домашние задания. Слишком много, слишком неприятные и скучные. Возможно, из-за воспаления легких. Возможно, ему бы их выдали в любом случае. Теперь он, по крайней мере, поправился. И со вчерашнего дня официально объявлен здоровым.

С телом у него было все в порядке, но его мысли постоянно возвращались к делу Хинде.

Отчасти потому, что Хинде отомстил ему, распорядившись убить нескольких женщин, с которыми Себастиан вступал в сексуальные отношения. Сам он убивать, разумеется, не мог, поскольку с 1996 года, когда Себастиан способствовал его поимке, сидел в спецкорпусе психиатрической больницы «Лёвхага». Однако ему все-таки удалось с помощью уборщика спецкорпуса осуществить часть своей мести.

Убито четыре женщины.

Их объединяло только одно: Себастиан Бергман.

Ощущение, что он виноват в смерти четырех женщин, было иррациональным, но тем не менее Себастиан не мог полностью от него отделаться. Когда Госкомиссия по расследованию убийств арестовала уборщика, Хинде бежал из заключения и похитил Ванью Литнер.

Неслучайно. Не потому, что она работала вместе с Себастианом в Госкомиссии. Нет, Хинде каким-то образом понял, что Ванья — дочь Себастиана.

Эдвард Хинде мертв, но иногда Себастиану приходила в голову мысль, что если Эдвард сумел выведать правду, то

возможно, это сумеют сделать и другие. Ему этого не хотелось. У них с Ваньей сейчас были хорошие отношения. Лучше, чем когда-либо.

В том заброшенном доме, куда ее притащил Хинде, Себастиан спас ей жизнь. Это, естественно, сыграло свою роль. Себастиану было наплевать, терпит ли она его из благодарности. Главное, что терпит. Даже более того: за последние два месяца она дважды искала его общества. Сперва она навестила его в больнице, и потом, когда его выписали домой, но еще до того, как воспаление легких приковало его к постели, она предложила ему сходить выпить кофе.

Себастиан до сих пор помнил ощущение, когда он услышал ее вопрос.

Его дочь позвонила и захотела с ним встретиться.

Он почти не помнил, о чем они разговаривали. Ему хотелось сохранить в памяти каждую деталь, каждый нюанс, но мгновение было ошеломляющим. Ситуация слишком значимой. Они просидели в кафе полтора часа. Один на один. По ее желанию. Никаких жестоких слов. Никакой борьбы. Таким живым и увлеченным чем-нибудь он не чувствовал себя со второго дня Рождества 2004 года. Он раз за разом возвращался к проведенным вместе с ней девяноста минутам.

Их может стать больше. Будет больше. Он сможет снова начать работать. Хочет снова работать. Он даже ловил себя на том, что тоскует. По всему вместе, конечно, но главное для него — иметь возможность находиться поблизости от Ваньи. Он смирился с мыслью, что никогда не станет ей отцом. Любая попытка отобрать эту роль у Вальдемара Литнера закончится тем, что Себастиан все разрушит. Пока ему удалось выстроить не слишком многое. Одно посещение больницы и девяносто минут в кафе, но это уже что-то.

Принятие.

Определенная забота.

Возможно, даже начинающаяся дружба.